

вание о том, что, работая классной дамой, однажды предпочла купить красивую блузку вместо того, чтобы послать деньги нуждающемуся брату. С горечью вспоминала она, как девочками они отказывались, когда отец просил их спеть украинские песни, которые он очень любил.

В память о нашей незабвенной бабушке Валентине Захарьевне мы с сестрой обе назвали своих дочерей Валентинами.

* * *

Такова история Одесского епархиального училища "в лицах". Точнее, в лице одной его воспитанницы. Если кто-то располагает сведениями о самом училище или его выпускниках, просим — поделитесь с нами. Его деятельность являет собою одну из малоизвестных, но важных страниц в истории нашего города.

Ничейные дети

Перед теми, кто в конце пятидесятых решал поступить на филологический факультет, сразу же вырастали две трудности. Первая находилась в непосредственной близости и казалась непреодолимой — это было поступление. Если вы не были медалистом, офицером, демобилизованным по хрущевскому сокращению армии или крестьянским отпрыском, обремененным к тому же стажем работы на полях, то перед вами представляли семь вступительных экзаменов, которые нужно было сдать на "отлично". Проходной балл для тех, на кого не распространялись льготы, был тридцать пять из тридцати пяти возможных. Конкурс пять-семь человек на место держался годами. И в этом было нечто парадоксальное. Каждый прекрасно осознавал, что его ждет карьера сельского учителя — необходимая, полезная, но отнюдь не привлекательная — и мизерная зарплата. Но об этом даже не принято было говорить. Само собой подразумевалось, что все станут журналистами, скажут свое слово в литературе, займутся, в конце концов, научной работой. А труд учителя начальной школы, воспитательницы детского сада или библиотекаря предназначен кому-то другому.

Если происходило почти чудо, и вы преодолевали все вступительные препоны, то получали восхитительную возможность пять лет бездельничать. Нельзя же было считать настоящей работой чтение любимых книг и диагональный просмотр нелюбимых. Какие были годы надежд, и какие книги! Отошли в прошлое забубенные "Белые березы" и "Кавалер Золотой звезды". Наша жизнь была взорвана романами Ремарка и еще более — Хемингуэем. А за ними уже вырастали глыбы Фолкнера и Вулфа. Они подарили нам понятие самооценности личности и гордый индивидуализм, помогли нам никогда уже не возвращаться, что бы с нами ни случилось, в закоулки коллективного сознания, и теперь всегда где-то впереди и над нами белели недостижимые и нетронутые снега Килиманджаро.

Иногда это безмятежное существование прерывалось экскурсами в сравнительное языкознание или историческую грамматику. И вот, когда вы окончательно привыкали к этой интересной и необременительной жизни, вдруг стремительно и неотвратимо приблизилась вторая проблема — распределение.

В начале шестидесятых годов будто бы появились — мы так думали — слабые ростки демократии. Нам объявили, что на заседание комиссии по распределению мы будем входить в соответствии со своим средним бал-

лом, что давало первым возможность маленького, но выбора. И хотя я была в первом десятке, все произошло быстро и безвариантно: через пять минут я снова стояла в коридоре и рассматривала листок, на котором было написано место моей новой жизни: Тернопольская область, село Дощовый Кут, что в переводе на русский означает Дождливый Угол.

И вот последний месяц каникул или первый месяц отпуска пролетел, и первого августа в недоумении стояла я на подножке автобуса, который привез меня в этот Кут. Но стоять бесконечно долго невозможно, и я сделала первый шаг к своей самостоятельной жизни. Он, первый шаг, привел меня в глубокую колдобину, наполненную вязкой грязью. Голубые босоножки полностью утонули в ней и, как я сразу же поняла, были безнадежно испорчены. Автобус, громыхая сочленениями, уехал, а я стояла в этой колдобине, криво поставив ноги и не меняя позы, потому что боялась погрузиться в грязь еще глубже, и ожидала аборигена. Наконец появился подросток в высоких резиновых сапогах, которые, как я уже поняла, были здесь всепогодной обувью.

На мой вопрос, где находится школа, он указал рукой на что-то за моей спиной и сказал:

— Та ось, йдіть навпростець, кризь колгоспний двір...

Я оглянулась: за покосившимся забором, где не хватало жердин, простирался, как видно, скотный двор. Утопая в грязи, на этот раз смешанной с навозом, я пошла к белому дому, окруженному деревьями, который проглядывал сквозь забор. Сначала я с опаской посматривала на нескольких коров, бродивших по двору. Вероятно, у них не хватило сил дойти до пастбища. При взгляде на них сразу становился понятен смысл емкого украинского слова "худоба", которым называют крупный рогатый скот.

На крыльце школы сидело несколько молодых женщин в ситцевых халатиках — кто с вышиванием, кто с вязанием в руках. Они вели разговор об огородах, и все были беременными. У меня мелькнула мысль, что к Новому году я буду преподавать в школе все предметы вплоть до биологии и химии.

— Ви — мовниця? — спросила одна из женщин. И хотя ни в русском, ни в украинском языках нет такого слова, было совершенно ясно, что она спрашивает меня, не являюсь ли я преподавательницей языка. На мой утвердительный ответ последовал второй вопрос:

— А де ваш чоловік?

Ответив, что мужа у меня нет, я прошла к кабинету директора. На стене в коридоре висел график соревнования между классами по выведению кроликов. Это превышало мою компетенцию.

Директор, рассматривая мои документы, задал тот же вопрос:

— А ваш муж приедет позже?

Я начала понимать, что здесь что-то не так. А директор тем временем объяснял, стараясь меня слегка припугнуть, что моя нагрузка складывается из часов в этой восьмилетней школе и из уроков в вечерней школе рабочей молодежи, которая находится на другом конце села, в двух километрах отсюда.

— Ничего, — заверила я его, — значит, квартиру мне нужно искать по середине села.

— Да... квартиру... — промямлил директор. — Это не совсем то, что вы себе представляете.

Потом пришел к какому-то решению, собрался и уже другим, "директорским", голосом спросил:

— Где вы остановились? А, в Тернополе, в гостинице... Вас не затруднит приехать еще раз завтра после двенадцати часов?

В некотором недоумении я вернулась в город, прошлась по бульвару, вышла к озеру. Прикидывая планы своей дальнейшей жизни, отыскала опорные пункты — театр и кинотеатр, книжный магазин и библиотеку. В голову лезли какие-то романтические бредни: я здесь нужна... разумное, доброе... искорка знаний в этой дождливой глухомани. К утру я уже почти уговорила себя.

На следующий день директор был готов к беседе.

— Понимаете, — говорил он, — как важно, чтобы в школе работали учителя-мужчины. Я долго договаривался с облоно, чтобы к нам направили молодую пару, чтобы они здесь остались жить, построили дом. Ну, вы понимаете, о чем я говорю? Вы же, конечно, к нам не насовсем? — задал он вопрос, не требующий ответа. — И вот мне такую пару подыскали — уроженцы нашей области, два года как окончили Черновицкий университет. Но вы имеете официальное направление к нам... — сказал он и сделал паузу.

Я стала прозревать истину и робко пошла ей навстречу:

— Значит, вы можете дать мне открепление?

Оно уже было подготовлено, и мне оставалось только съездить в Киев, в Министерство просвещения, и получить подтверждение. Через несколько дней тот самый "свободный диплом" — предмет мечтаний — без обязательных трех лет работы по назначению и комсомольских разбирательств в случае уклонения был у меня в руках.

Была середина августа: школьные штаты были укомплектованы, в редакциях газет — сколько угодно внештатной работы по четыре копейки за строку, в научной библиотеке предложили поработать неопределенно долго бесплатно — до появления новых ставок. И тут, как водится, совершенно случайно я узнала от родственницы моих друзей, что детский дом ищет педагога.

Детский дом стоял на краю города, не на окраине, а именно на краю. Короткий неширокий Бярятинский переулок пролегал по самому краю обрыва, над портом. Имело ли его название какое-то отношение к фамилии князей Бярятинских, мне так и недосуг было узнать. Старинный особняк по фасаду и боковые флигеля замыкали двор в виде буквы "П", а одна его сторона, обращенная к морю, была забрана высокой железной решеткой. За ней — отвесный обрыв, поросший колючим кустарником. Внизу лежала гавань, где протяжно гудели пароходы, натужно пыхтели паровозы, громыхали вагоны, в которые перегружали грузы портовые краны, гремели якорные цепи — это был неисчезающий звуковой фон, смягченный расстоянием. Вдали, в дымке, угадывался противоположный берег бухты. Из этого двора можно было увидеть, как утром встает из воды солнце и как оно вечером скрывается за куполом оперного театра и колоннадой Воронцовского дворца.

— У нас нелегко работать, — мягко сказал мне Владимир Петрович, директор детдома, красивый мужчина средних лет, выжидательно глядя на меня.

Так я начала работать педагогом-воспитателем. В детдоме жили примерно шестьдесят мальчиков и девочек от семи до пятнадцати лет. Все они учились в ближайшей школе, которая была всего через три дома, в этом же квартале, вливаясь маленькими группками в разные классы. Моя группа была старшая — пятый-восьмой классы. Я приходила на работу к двум часам, когда у них оканчивались занятия в школе, и должна была оставаться с ними до восьми вечера. Они как будто делали при мне уроки. А что делала я при них? Мои обязанности были расплывчаты и неопределенны.

И тут я пережила несколько дней панических сомнений — гожусь ли я вообще для этой работы? Оказалось, что все, чему я училась, здесь будто бы и ни к чему, нужно было делать что-то очень конкретное, полезное для этих детей. Но что — я не знала. Тем более что меня смущали и дети. Они были тихими, непривычно тихими, как будто ушедшими в себя: они

даже бегали, играли и смеялись негромко, озабоченные, как я догадывалась, недетскими мыслями. Нешумным был и персонал, хотя учительнице труда, которая обучала девочек шитью, вышиванию, в общем, тому, что она умела сама, тихонько называли Светка-Волкодав.

Оказалось, что я должна систематически посещать школу, в которой учились дети, справляться у завуча и классных руководителей, как они занимаются, ведут себя, просматривать их оценки по классным журналам. Здесь все было каким-то безликим, усредненным — в пределах троек и четверок. Может быть, учителя жалели их и не ставили двоек, но и не искали среди них способных. В этом была не явная, но несправедливость. И мне показалось, что их жизнь еще можно чуть-чуть изменить.

Домашние задания они выполняли в большой комнате, в которой стояли столы. За каждым могло расположиться восемь человек. На следующий день я пришла с табличками: стол № 1 — русский язык, стол № 2 — украинский язык, и далее — стол математики, английского языка, физики. За каждым столом собиралась группа, занимающаяся обозначенным на нем предметом, независимо от возраста. Поначалу я объясняла задания, переходя от одного стола к другому, исправляла ошибки, подсказывала решения, вела себя совершенно непедagogично. Хорошо, что не было ребят старше восьмого класса, и моих воспоминаний из области математики и физики было достаточно. Они оканчивали делать задание по одному предмету и сразу же переходили за другой стол. Через несколько дней в них проснулся дух соревнования. Старшие, уловив игровой момент, стали помогать младшим, сидящим за этим же столом. Мы научились довольно быстро справляться с уроками и всей группой уходили на прогулку.

Рядом раскинулся самый большой в Одессе парк, носивший имя Тараса Шевченко. Вот туда мы и шли, проходя мимо дома, где жил Куприн, к остаткам крепостных сооружений, построенных еще солдатами Суворова, к Александровской колонне, поставленной в честь победы над турками, да и парк когда-то назывался Александровским — в честь Александра III. Доходили до дома-мастерской художника Костанди и, наконец, до самой дальней точки нашего маршрута — дома, где родился Эдуард Багрицкий. Были у нас и другие излюбленные прогулки — по Канатной и Карантинной — припортовым улицам, лестницам и спускам.

Но наступила уже глубокая осень, рано темнело, приходилось оставаться в доме. И тогда я принесла первую книгу и предложила читать вслух. Это был "Белый пудель" Куприна. И для детей это было уже не что-то отвлеченное, это написал писатель, который жил напротив, наис-

косок, свой, сосед, он ходил когда-то по этому же Барятинскому переулку. Потом были "Всадник без головы", "Дети капитана Гранта" и "Таинственный остров". Все усаживались в классной комнате, составив стулья двумя полукружьями, в первом — девочки, во втором — мальчики, слушали, нетерпеливо ожидая своей очереди читать.

Директор Владимир Петрович приходил, молча смотрел, иногда минут десять слушал и так же молча уходил. Однажды он спросил меня:

— К чему все это? Ведь все они пойдут в ПТУ, будут швеями, штукатурами, малярами.

— А вдруг не все? — я ощутила опять несправедливость жизни, судьбы. — А разве читающий штукатур хуже пьющего?

— Штукатурами становятся девочки, — как будто невпопад ответил директор.

Однажды в учительскую влетела Светка, она зашла в злобном шипении:

— Нет, не могу. Опять эта тварь приехала. Я ей сейчас все скажу...

— Света, перестаньте, каждый раз одно и то же, пора бы вам привыкнуть, — сказала старенькая Ольга Алексеевна, осуществлявшая у нас музыкальное воспитание.

— Да, да, — как-то вся обмякла Светка и села, по обыкновению поджав под себя длинную худую ногу, и сразу сквозь ее подростковую внешность проступили усталость и разочарование тридцатипятилетней женщины. Потом посмотрела на меня и бесцветным опустошенным голосом сказала:

— Пойди посмотри, полезно для жизни.

В комнате отдыха, что-то вроде гостиной, куда я вошла и немного замешкалась, делая вид, что с трудом снимаю с полки вазу для цветов, сидела красивая, ухоженная женщина, с высоко уложенными светлыми волосами, в синем платье джерси, модное югославское пальто с норковым воротником было переброшено через спинку стула. Она обнимала и тормошила Алешу, мальчика лет одиннадцати, и тут же совала ему в руки пакеты, приговаривая:

— Отдашь все тете Кате, сынок, это для всех на ужин, у тебя же сегодня день рождения.

— Тетя Катя уже спекла три торта, — тихо говорил Алеша, глядя в сторону, и видно было, что он сдерживает слезы. — Только мне еще знать об этом нельзя.

В учительской, куда я так и вошла с пустой вазой в руках, все подавленно молчали.

— Объясните: что происходит? Мне кажется, что у этой женщины все в порядке. Почему Алеша живет здесь?

Ольга Алексеевна сняла очки:

— А вы думали, что они — все сироты или дети алкоголиков, преступников, лишенных родительских прав? Нет, нет... Они по-разному попадают сюда. Вот эта, — она махнула рукой в сторону двери, — замуж вышла во второй раз, за подполковника, хорошо вышла, а он сразу предупредил, что не хочет чужого ребенка в доме. А Алеша — хороший мальчик, способный, — и Ольга Алексеевна, не скрывая, вытерла слезы.

И тут я вспомнила слова директора: "У нас нелегко работать".

* * *

Прошло месяцев пять; мне было интересно, я уже не думала о том, что эта работа только временное пристанище, и неприятна была даже мысль о том, что детей можно оставить.

В конце января меня вызвал Владимир Петрович:

— Вы едете в командировку, отвезете Валеру к матери, за Свердловск...

— Нашлись родители? — радостно спросила я.

— А они никогда и не терялись... Во всяком случае, мать, у нее еще двое детей, от разных мужчин.

— А может она их содержать?

— Может, может, — зло сказал директор и протянул мне письмо. Комиссия по надзору за детьми при городском совете города Ревда сообщила — и далее шло описание квартиры, сведения о должности и зарплате Марии Григорьевны Тимофеевой и вывод: имеются все условия для нормального проживания еще одного ребенка.

— Вы не представляете, как трудно вернуть ребенка в семью, сколько нужно вести переговоров, сколько заполнить бумаг, — говорил Владимир Петрович.

— Но, может быть, и не нужно?

— Конечно, не нужно, даже преступно! — кипел в бессильном негодовании директор. — Это уже не секрет, и я должен вас предупредить: наш детский дом закрывают, мы должны постараться кого возможно отдать родителям.

— А остальные?

— Остальные уйдут в разные детдома, где есть места.

— Но это бесчеловечно, — я с трудом сдерживалась, чтобы не зареветь: мне было жалко и детей, и директора.

— Да, бесчеловечно, — уже более спокойно согласился он. — Но нужно спешить. Идите сейчас же в облоно и оформляйте документы.

Все завертелось очень быстро: я бегала из комнаты в комнату, получая кипу бумаг и инструкции. А сама думала о Валере, крупном четырнадцатилетнем мальчике, черноволосом, с ярким румянцем и пушком над пухлыми губами. Оказалось, что теперь я называюсь педагог-эвакуатор, и на меня возлагается масса обязанностей. Дома собирали мне в дорогу теплые вещи, так как морозы на Урале в эти дни доходили до 25-30° и, в свою очередь, страшали меня тем, что мальчик может в дороге убежать. Я отмахивалась от этих предположений, но в глубине души понимала, что они небезосновательны.

Через три дня мы уезжали. Прощание, вокзал, поезд... Я не сразу заметила, что Валера замолчал, напряженно, тяжело. На мои вопросы, попытки разговорить его, он не отвечал, только утвердительно или отрицательно качал головой. Он вглядывался в заснеженные поля и лесочки за окном вагона, и чувствовалось, что он встревожен, боится предстоящей встречи.

Через сутки мы были в Москве. Переехали с Киевского вокзала на Казанский. Я купила билеты на поезд Владивосток — Москва, который уходил поздним вечером. Потом мы пошли обедать в ресторан при вокзале. Валера с удивлением рассматривал бордовое великолепие зала, когда к нашему столику подошел молодой человек. Это была классика: растянутый поношенный свитер, борода, давно не стриженные волосы — облик геолога из кинофильмов тех лет. Как оказалось несколько позже, он им и был.

— Куда едете, ребята, как это родители вас одних отпустили? — весело и громко спрашивал он, усаживаясь за наш столик.

Пока я подыскивала ответ, Валера стал оглядываться по сторонам. Геолог догадался первым:

— Беги вон туда, за портьеру, в углу. Так куда едешь с братиком? — снова спросил он.

Я объяснила ему происходящее. Он с минуту смотрел на меня оторопелыми глазами, потом рванулся к буфетной стойке. Через пять минут перед уже вернувшимся Валерой высились горой апельсины, коробка конфет, плитки шоколада.

Павел говорил, не умолкая; одна история сменяла другую — здесь были и приключения геологической партии в тайге, и нападение потревоженного медведя, и рассказ о том, как он заблудился в таежных горах. Он

говорил, обращаясь только к Валере, стараясь вывести его из состояния заторможенности, испуга. И ему это удалось — мальчишка спрашивал его о чем-то, я не вдумывалась, о чем, радуясь минутной передышке, главное — он говорил.

Потом мы до позднего вечера гуляли по Москве. Кремль, зоопарк, улица Горького... Мы с Павлом по возрасту не годились в родители Валере, но, не сговариваясь, вели себя так, будто показываем Москву своему ребенку. Оказалось, что мы оба с Павлом любим Сокольники зимой. И мы прошлись, уже не спеша, усталые, по аллеям парка, покрытым скрипящим под ногами снегом, издали посмотрели на вход в церковь, мерцающий тусклым золотом свечей.

Наш странный длинный день окончился. Павел, прощаясь с нами у вагона, попытался узнать мой адрес и телефон. Но я в то время была влюблена отчаянно, счастливо и безнадежно. А Павел никак не вписывался в мой жизненный пунктир.

На второй день ранним утром мы вышли с Валерой на перрон маленького вокзальчика в городе Ревда. Я еще не успела подумать, в какую сторону идти, когда нас с криками окружили человек восемь-десять: "Валера! Мальчик наш! Сыночек! Внучек!". Они выхватили у него из рук чемодан, кошелку и тащили его куда-то в сторону выхода с вокзала. Я растерялась, нужно было еще многое сделать, соблюсти формальности.

— Подождите, — сказала я, — ребенок еще со мной.

Маленькая, с крысиным лицом женщина агрессивно объяснила, что они получили телеграмму о приезде сына (она произносила это слово с большой буквы) и хотела бы знать, кто такая я. Пришлось внести некоторую ясность в ситуацию. Я чувствовала, как во мне нарастает неприязнь ко всей этой компании.

— Я должна увидеть вашу квартиру, — начала я выполнять полученные инструкции. У меня было право увезти ребенка обратно, если условия проживания не соответствовали положенным нормам, а письмо из горсовета Ревды не отражало действительности.

Мы направились к их дому, и я получила возможность присмотреться к ним. Кроме матери, был еще старший брат Валеры — молодой человек лет восемнадцати-девятнадцати, младшая сестренка лет десяти-одиннадцати. Отдавать одного ребенка в детдом и рожать другого — в этом для меня было что-то непостижимое. Была бабушка, вполне еще бодрая. И еще две пары средних лет, которые могли быть дядями-тетями. Все были просто, но тепло, добротны одеты.

Мы пришли к стандартной пятиэтажке, вошли в обычную двухкомнатную квартиру, чистую, обставленную стандартным набором мебели. В большой комнате был накрыт праздничный стол.

— Снимайте шубу, прошу к столу, — засуетилась хозяйка, как мне казалось, неискренне изображая радушие.

— Давайте раньше покончим с делами. Сколько человек прописано в квартире?

— Трое — я с детьми, — поджав губы, ответила Мария Григорьевна.

Я отметила это в бумагах, которые мне еще придется вернуть в облоно, жилье было нормальным.

— Теперь мы с вами идем в районное отделение милиции.

Вся компания возмущенно загомонила. Но я видела только испуганные, остановившиеся на мне глаза Валеры. Вся эта суета проходила мимо него, он понимал, что единственный человек, которого он знает, вот-вот покинет его, и он останется с этими чужими ему людьми, которые почему-то называются его семьей.

В милиции я уточнила, правда ли, что в квартире прописано только три человека, и не будет ли осложнений с пропиской четвертого, нет ли у кого-нибудь из членов семьи "приводов" в милицию в связи с пьянством или другими отклонениями в поведении. Пожилой капитан заверил меня, что все будет в порядке, расписался у меня в бумагах, удивленно поглядывая на всю компанию, которая тоже втиснулась в его небольшой кабинет.

— А теперь мы идем в горсовет.

Я чувствовала, как нарастает их враждебность ко мне. Там, в горсовете, и происходила официальная передача ребенка матери, скрепленная подписями трех сторон. Она, которая сдала сына в детский дом и ни разу за долгие годы не удосужилась его проведать, обязалась растить, воспитывать, учить. Не было только в тексте формуляра графы со словом "любить". Мне казалось, что я — участница преступления, но ничего нельзя было изменить.

Мы вышли из горсовета, официальная процедура передачи была окончена. У меня дрожали ноги, и было гадко на душе.

— Ну, а теперь пойдемте к нам, закусим, отдохнете, — принужденно говорила мать Валеры.

— Нет, нет, я спешу, мне нужно сегодня успеть на московский поезд.

Я погладила по щеке Валеру, — в глазах его были испуг и слезы, попрощалась со всеми, — они меня и не удерживали, и одна пошла к вокзалу.

Через полчаса я уже сидела в вагоне пригородного поезда, идущего в Свердловск, и старалась разобраться в сумятице своих ощущений. Так не бывает: обычная женщина, пусть мне несимпатичная, но обычная, рядом родственники, дети, хотя и от разных мужей, но так просто ребенка, здорового, красивого, в детдом не отдают. "Валера Гроверман, Валера Гроверман..." — повторила я несколько раз про себя и зацепилась мысленно за его фамилию. Не здесь ли причина?

Через три дня этот же вопрос я задала Виктору Петровичу.

— Наверное, я должен был вам все рассказать раньше.

Он достал из сейфа личное дело: Валерий Гроверман, 1949 года рождения. Излагалась просьба Марии и Федора Тимофеевых взять временно, до решения жилищного вопроса, так как они в данный момент проживают в аварийном, лишенном элементарных удобств доме, сына Марии Тимофеевой от второго брака в детдом, и соответствующее решение детской комиссии при горсовете. Это была часть документа. И вторая — заключение психолога: ребенок здоров, нормален; побудительный мотив матери — у нее есть ребенок от первого брака, сейчас она ожидает ребенка от третьего, текущего брака, муж считает, что здоровую семью можно построить, если все дети будут единого происхождения. Туманно, но вместе с тем смысл очевиден.

Мы помолчали. Потом Владимир Петрович сказал:

— Я рассчитывал, что вы отвезете еще и Клаву в Архангельск. Но, вероятно, для вас уже слишком...

— У нее тоже нашлись такие же любящие родители? Нет, не хочу...

Побывать в Архангельске, конечно же, хотелось, но не хватало смелости еще раз окунуться в чужую драму.

— А куда вы, Владимир Петрович, пойдете работать?

— Снова в детский дом, там всегда есть работа. Мне казалось, что вы у нас надолго останетесь, да вот — не сложилось...

Вскоре я уже работала в медицинском институте. Детский дом сознательно отодвинула куда-то в глубь памяти и никогда не пыталась узнать, что стало с детьми, как сложились их судьбы. Им нужно было посвятить жизнь, а я не была к этому готова.

Прошли десятилетия, но до сих пор я уверена, что настоящими родителями тех, детдомовских, детей, а теперь уже немолодых людей были Владимир Петрович и Светка-Волкодав, а родным домом — тот старый особняк на обрыве.